

Редакторская

Я не верю во «врожденный язык»! — таков последний sardonic comment, оставленный Хилари Патнэмом в своем блоге. Ровно через полгода Б-гу, к которому философ обратился в своем позднем творчестве, было угодно забрать его к Себе. Уход Патнэма был для меня потрясением: кажется, я был убежден, что эволюция его взглядов никогда не закончится. В этом же году нас оставил и историк философии, эрудит, романист Умберто Эко — человек, у которого были совсем иные отношения со Всевышним. У этих двух мыслителей было нечто общее: они оба были зачарованы тайной человеческого разговора.

Философы любят говорить. Но, как заметила однажды наша наставница Анна Анатольевна Костикова, никто никогда не высказывается полностью. Тем, кто хочет, чтобы то, что нужно сказать, было сказано однозначно, коротко и просто, — учит уже не только нас, но все человечество Ноам Хомский, — нужно сообщить, что у языка просто нет свойств, которые бы позволяли это сделать. Язык создан, чтобы мыслить, а не сообщать; значит, чем больше ты мыслишь — тем меньше можешь высказать. Не знаю, эти ли обстоятельства, или какие-то другие делают философов столь плохими собеседниками. Можно предположить (хотя прибегать к манере выражения тонких психологов — дело скользкое и неблагородное), что причина кроется в профессиональной деформации: мы постоянно имеем дело с мышлением, а мышление есть дело внутреннее, его непросто сделать общим.

Философы говорят. Но философы редко слушают. Как от ученых, от нас ждут, что наши карманы всегда будут полны готовыми ответами. Таковые действительно являются целью любого исследования, которое не хочет

быть пустым умствованием. Но очень велик соблазн сделать эти ответы также и основным способом понимания другого.

Артем Юнусов, один из наших постоянных авторов, как-то сказал, что идеалом научного сообщества является группа людей, которые могут довериться специальным теоретическим знаниям друг друга. Думаю, это пронизательное определение. Но я бы добавил: важно, чтобы мы были внимательны к тому, что хочет сказать наш друг. Мы же боремся не за академический паек с сардинками и шоколадом. Во всяком случае, не только.

В каждом из номеров ФК была статья, вызвавшая наибольшее обсуждение. Например, в номере про «Мышление машин» это было эссе Александра Ветушинского, пропитанное духом спекулятивного реализма. В «Значении» — текст Андрея Мерцалова о том, что нужно поставить существующие теории значения с головы на ноги, а во «Внешнем мире» — поразительное доказательство внешнего мира от Александра Мишуры. Дискуссии вокруг этих текстов были для меня очень полезны.

Я заметил, например, что использование местоимения второго лица множественного числа редко помогает успешному обсуждению рассматриваемой проблемы. Употребляя фразу «вы считаете, что...», говорящий нередко объединяет под этим «вы» различных философов в какую-то одну группу. Это бывает полезно в обзорной статье, но почти никогда не способствует взаимопониманию.

Пожую ошибку совершают, когда забывают о различии философских интересов и философских убеждений. Каждый может быть восхищенным читателем, скажем, Плотина, не теряя склонности к последовательной, строгой аргументации и убежденности в ценности экспериментального естествознания для познания мира. Если

это верно, то верно и то, что само по себе систематическое чтение Гегеля, Деррида или Чалмерса еще ничего не говорит о той философии, которую делает тот или иной читатель.

Еще часто бывает так, что, услышав пересказ своей аргументации из уст собеседника, мы либо начинаем спорить с ним о словах, в которых он выразил наши идеи, и уходим в грамматику, либо раздраженно киваем, мол, «это я и сказал». Кажется, все понимают, что такое поведение неприемлемо, но все же немногие могут от него удержаться. Это понятно: такая манера сокращает время разговора, уберегает от нежелательных взаимодействий, избавляет от необходимости разбираться в чужой путанице. Но мы-то говорим уже о своих, о наших, о тех, кого мы уже признали как сотрудников в философии. И здесь повторение мыслей — одна из самых важных частей философской работы, заслуживающая самого серьезного к себе отношения. Пока каждый желающий из участников разговора не вырастит в себе доводы собеседников, любое продвижение вперед может быть обусловлено только случаем или, как сейчас говорят, творческим непониманием. Его значение не стоит преувеличивать: случайная мысль редко бывает счастливой. Само по себе желание сказать новое, как и слепая любовь к старому, стоят немного: избавь нас от старого, подгорелого, и от нового, но сырого, как завещал нам первый русский философ Христлиб Фельдштраух.

Возможно, чтобы избежать подобных пароксизмов слабоумия, всем нам стоит воспитывать в себе то, что старые немецкие авторы называли светскостью: откровение и прямотушие в свидетельствовании почтения, с которым говорящим признается одновременно и присущность своему собеседнику свободы иметь и выражать мнения, а так же важность собственного намерения быть услышанным в качестве свободной в своем полагании субъективности, но все же субъективности, участвующей в разговоре ради общезначимого результата. Свободно излагать мнение не значит еще выставлять его как неопровержимое, но и не значит избавить себя от необходимости что-то знать и уметь на этом знании основывать мнение.

В том числе и поэтому важно уметь разумно отвечать на вопрос: есть ли такое знание, которое присуще человеческой природе как участвующей в разговоре? Существует ли такое знание, которое есть у нас у всех как людей? Оно было бы неплохим подспорьем в деле понимания других и самих себя. Впрочем, многие дума-

ют иначе. В этом номере мы попытались разобраться, кто прав, ведь, как писал Хилари Патнэм, высшим проявлением рациональности является способность к вынесению суждений в тех случаях, когда нельзя надеяться «доказать» что-то ко всеобщему удовлетворению.

Евгений Логинов
Иллюстрация Анны Давыдовой

